
Выйти из положения « аутсайдеров »: Россия, Турция и альтернативные концепции Европы

Ричард Саква

Май 2010

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

Центр Россия/ННГ
© **Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2010**
ISBN: 978-2-86592-723-4

IFRI
27 RUE DE LA PROCESSION
75740 PARIS CEDEX 15 – FRANCE
TEL. : 33 (0)1 40 61 60 00
FAX : 33 (0)1 40 61 60 60
E-MAIL : ifri@ifri.org

IFRI-Bruxelles
RUE MARIE-THERESE, 21
1000 BRUXELLES
TEL. : 32(2) 238 51 10
FAX : 32 (2) 238 51 15
E-MAIL : info.eurifri@ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённых России и новым независимым государствам (Белоруссия, Украина, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Данная коллекция отвечает стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка статей).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Последние выпуски

– Тома Гомар, «Европа в российской внешней политике: необходимый, но недостаточный партнёр», *Russie.Nei.Visions*, n° 50, май 2010;

– Марк Н. Катц, «Российская политика на Большом Ближнем Востоке или искусство дружить со всеми», *Russie.Nei.Visions*, n° 49, апрель 2010;

– Джеффри Манкофф, «Последствия экономического кризиса для внутренней и внешней политики России», *Russie.Nei.Visions*, n°48, апрель 2010.

Об авторе

Ричард Саква – профессор, преподаватель российской и европейской политики в университете Кента (Великобритания) и приглашенный исследователь в программе изучения России и Евразии Королевского института международных отношений (*Chatham House*). Его многочисленные публикации посвящены советским, российским и посткоммунистическим проблемам. Среди его последних монографий: *Russian Politics and Society* (London & New York, Routledge, 4^e издание, 2008); *Putin: Russia's Choice* (Routledge, 2^e издание, 2008); *The Quality of Freedom: Khodorkovsky, Putin and the Yukos Affair* (Oxford University Press, 2009). Недавно он закончил работу над новой книгой: *The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism, and the Medvedev Succession* (Cambridge University Press, готовится к изданию в 2010).

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
АУТСАЙДЕРЫ.....	7
Новая динамика международной политики Европы	9
Новая маргинальность?	12
НА ПУТИ К «БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕ»	15
Неоревизионистская повестка дня	15
Панъевропеизм	19
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	24

Краткое содержание

По мере затихания отзвуков холодной войны международные отношения в Европе вступают в период постоянных изменений. Страны-«аутсайдеры», в частности, Россия и Турция проявляют всё большую заинтересованность в пересмотре как отношений между собой, так и своего места на мировой арене. Сегодняшняя тупиковая ситуация в отношениях России с Европейским союзом (ЕС) отражает общее отсутствие понимания роли и статуса в мире как России, так и ЕС, а стремление Турции присоединиться к Евросоюзу продолжает оспариваться как внутри страны, так и за её пределами. Этот контекст стимулирует возникновение новых идей, предлагающих выход из нынешней стагнации. Среди них выделяется российская неоревизионистская идея «большой Европы», частично разделяемая турецкими аналитиками. Она предлагает новое видение европейского единства в масштабе всего континента, выходящее за рамки традиционных диалектических трактовок в терминах «инсайдер» и «аутсайдер». На институциональном уровне эта тенденция сопровождается возрождением интегративных «панъевропейских» идей, включающих реструктуризацию европейской безопасности и создание «Союза Европы», включившего бы ЕС, Россию, Турцию и другие страны как равных членов нового политического сообщества.

Введение

Интеграционные проекты в Европе на сегодняшний день кажется достигли своего предела и, в некотором смысле, претерпевают даже определённый откат. Так, заключённый в 2009 году странами ЕС Лиссабонский договор отражает существенное снижение тех амбиций, которые были заложены в проектах заменённой им Европейской конституции. Сдержанность между Россией и ЕС переходит подчас в полное отчуждение. В отношениях между двумя сторонами не прослеживается ни общего языка, ни общих устремлений. Тема расширения уже не является центральной в отношениях с сопредельными странами и хотя процесс расширения будет продолжен, в частности, на Балканах, акцент повестки дня сдвинулся к управлению отношениями с соседями. Возможность членства Турции в ЕС стала ещё менее вероятной, в то время как перспективы вступления Украины и других восточноевропейских стран оказались отложены на неопределённый срок.

В противовес бесперспективным западнцентристским представлениям о Европе, было разработано – эксплицитно в России и имплицитно в Турции – понятие «большой Европы»¹. Оно представляет из себя альтернативный взгляд на европейскую идею, не «приватизированную» Евросоюзом, который, по мнению России, необоснованно претендует на право определения смысла европейской идентичности. Понятие «большой Европы» включает Турцию и, – что неудивительно, – помещает Россию в центр альтернативного проекта. Её сторонники не отрицают ЕС, но пытаются подойти к пониманию Европы в меньшей степени с институциональной точки зрения и с упором на более широкие цивилизационные концепции. Эта тенденция сопровождается возрождением панъевропейской идеи, попыткой создать динамику институционализации «большой Европы». Мечта Михаила

Переведено с английского Натальей Киселёвой-Туле.

¹ Бордачёв Т. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможность «большой сделки». Москва. Европа. 2009. Подробный анализ изменяющихся тенденций в турецком внутренне- и внешнеполитическом мышлении см. в Вагси Н. Zeitgeist: Global Politics and Turkey. Ankara. Orion Publications. 2008.

Горбачёва об «общем европейском доме», от Лимерика до Владивостока вновь приобрела популярность².

² Конкретное содержание понятия «общего европейского дома», безусловно, изменилось, поскольку Горбачёв рассчитывал на конвергенцию между советским «велфаризмом» (политикой государства, направленной на достижение всеобщего благосостояния, осуществление государственных программ социального попечительства, защиты и т.д.), и европейской социальной моделью, с целью закрепить «гуманную и демократическую» форму советского социализма, в то время как сегодня российские аналитики практически не упоминают о социальном содержании «большой Европы», открывая тем самым путь неолиберальным идеям.

Аутсайдеры

Понятие «аутсайдер» всё чаще используется исследователями для определения позиции России и Турции и, в меньшей степени, Украины, Белоруссии и других стран, оказавшихся в «промежуточном положении» по отношению к процессу европейской интеграции. Употребление этого термина предполагает, однако, ряд допущений относительно характера динамики европейской политики, всё больше подвергающейся сомнению, не в последнюю очередь самими так называемыми «аутсайдерами». Россия и Турция стали ядром этой новой категории стран, причём определение этой группы перестало основываться только на понятии исключения, а приобрело элементы общего для этих стран стремления к преодолению этой ситуации. Понятие «аутсайдеров» предполагает наличие «инсайдеров». Совершенно очевидно, что на сегодняшний день членство в ЕС представляется большим преимуществом и символизирует центральный статус в Европе, однако идеи новых союзов и ориентаций также начинают заявлять о себе. Весьма распространённая модель Европы в виде концентрических кругов ставится сейчас под сомнение. Новые формы диалектики «инсайдер»/«аутсайдер» бросают вызов центрированным на ЕС представлениям о политической и геополитической реальности в пространстве большой Европы³.

Глубоко укоренённые в истории Европы схемы вновь начинают проявляться в противопоставление интеграционным повесткам дня, получившим распространение после окончания холодной войны. При этом начинают терять силу и оформившиеся в эпоху холодной войны европейские политические модели. К примеру, входящая в НАТО с 1953 года Турция после холодной войны рассматривалась, в сфере безопасности, как безусловный «инсайдер», однако на сегодняшний день, в связи с потерей НАТО большей доли своего бывшего престижа, эта страна вернулась к привычному для неё статусу «аутсайдера». Несомненно, эта ситуация не имеет ничего общего с существовавшими, ведь Турция связана тесными таможенными и прочими отношениями с ЕС и другими европейскими институтами. При этом, если оглянуться в историческое прошлое, Турция и предшествующая её образованию Османская империя всегда находились на

³ См. *Baranovsky V. Russia: A Part of Europe or Apart From Europe? // International Affairs. T. 76. №3. 2000. С. 443-58.*

окраине Европы, и проявляющиеся сегодня элементы неосоттоманизма и региональные амбиции Турции напоминают нам об этом факте. Как было продемонстрировано в одном недавнем российском исследовании, мы являемся свидетелями «возвращения Турции»⁴.

Статус России как «аутсайдера» в меньшей степени подвергается сомнению. Россия не является ни членом ЕС, ни членом НАТО, и ничто не указывает на возможность её вступления в какую-либо из этих организаций в обозримом будущем. Более того, её отношения с обеими этими структурами проникнуты подозрениями, ощущением угрозы и страхом. Российская военная доктрина, принятая 5 февраля 2010 года, недвусмысленно идентифицирует НАТО в качестве главной «военной опасности» (хотя и не «угрозы»)⁵. Переговоры по созданию рамок нового соглашения для смены Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве (СПС), срок действия которого истёк в декабре 2007, продвигаются с большим трудом и в течение долгого периода даже название нового документа было предметом разногласий. И всё же, российская позиция «аутсайдера» не абсолютна, поскольку Россия является членом Совета Европы (СЕ) и, в цивилизационном плане, считает себя в большей степени европейской страной, чем Турция. В то самое время, когда переговоры о членстве Турции в ЕС застыли в мёртвой точке, даже самые оптимистичные взгляды на отношения между Россией и ЕС предполагали возможность партнёрства, включающего все возможные аспекты, за исключением общих институтов. По самому большому счёту, это партнёрство предполагает безвизовый режим (другими словами, расширение Шенгенской зоны) и общее экономическое пространство, усиленное зоной свободной торговли, при этом практически не существует ожиданий того, что оно приведёт к созданию какого-либо нового политического сообщества.

Как было отмечено в одной недавней публикации⁶, существует риск того, что Россия и Турция достаточно легко могут стать частью своего рода «оси исключённых». При этом, «поражают скорость и размах сближения этих традиционных соперников»⁷. После окончания холодной войны не было разработано никакой стабильной и устойчивой схемы интеграции России и ЕС. Россия, как и Турция, продолжает оставаться

⁴ *Torosyan T.* The Return of Turkey: Ankara in the South Caucasus after the Russian-Georgian War // *Russia in Global Affairs*. Т. 7. №3. Июль-сентябрь 2009. С. 120-129.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации.
<www.scrf.gov.ru/documents/33.html>.

⁶ *Hill F., Taspinar O.* Turkey and Russia: Axis of the Excluded? // *Survival*. Т. 48. №1. Весна 2006. С. 81-92.

⁷ *Winrow G.* Turkey, Russia and the Caucasus: Common and Diverging Interests. Briefing Paper. *Russia and Eurasia / Europe Programme*. Ноябрь 2009. REP/EP BP 2009/01. С. 3.

«чужеродным» – и даже не обязательно составным – элементом в развитии современных представлений о европейской идентичности.

Новая динамика международной политики Европы

Исторический опыт показывает, что попытки «аутсайдеров» прорваться в круг избранных сопровождается войнами и крушениями, включая разрушение самого этого круга. В последнее время всё чаще упоминается о «восходе новых великих держав», имея в виду, в частности, Китай и Россию, причём в контексте исторического сравнения с подъёмом Германии и Японии, начавшимся в конце XIX века и приведшим эти две державы к радикально ревизионистской позиции. Их неудовлетворённость сложившимся на тот момент положением и разработка различных идеологических оправданий для изменения структуры взаимоотношений между великими державами, – при необходимости, с применением силы, – стали тем вызовом мировой системе, который ознаменовал последующие полвека мировых войн. Иным образом складывается ситуация сегодня. Россия и Турция не стремятся бросить вызов существующему мировому порядку, а лишь оспаривают место, отведённое им в этом порядке. Следовательно, эти страны являются не столько ревизионистскими, сколько неоревизионистскими.

Российские внешнеполитические инициативы тесно зависят от внутренней эволюции, в то время как внутреннее развитие Турции ослабило влияние кемалистских идей на решения во внешней политике. Неоконсервативный анатолийский средний класс бросает вызов светской стамбульской элите, при этом турецкий ислам – одна из основ национальной идентичности – быстро секуляризуется⁸. Турция вновь начинает выступать как независимый внешнеполитический актор и стержень региональной международной политики, после окончания холодной войны избавившийся от прежней, ограничивавшей его свободу, зависимости от альянса с Америкой⁹. Турецкая внешняя политика *zero-problem* берёт начало со времени пребывания Исмаила Джема на посту министра иностранных дел (июнь 1997 – июль 2002) и систематизируется при Ахмете Давутоглу, главном советнике по внешней политике у Реджепа Тайипа Эрдогана (премьер-министра с 2002 года, лидера Партии справедливости и развития, ПСР) а затем, со

⁸ Подробный анализ см. в *Hakan Yavuz M. Secularism and Muslim Democracy in Turkey. Cambridge. Cambridge University Press. 2009.*

⁹ *Fuller G. E. The New Turkish Republic: Turkey as a Pivotal State in the Muslim World. Washington DC. United States Institute of Peace Press. 2007.*

2 мая 2009 года, министре иностранных дел. В своём крупнейшем академическом труде *Стратегическая глубина (Stratejik Derinlik)*, опубликованном в 2001 году, Давутоглу отстаивал внешнюю политику, подвергающую переоценке османское прошлое Турции, как часть своей идеи о значимости в истории понятия «потока». Вместе взятые, эти факторы составляют интеллектуальную и социальную основу более гибкой внешней политики Турции, включающей стремление к нормализации отношений с Арменией. Потерял силу во внешней политике голос турецких военных, активно продвигавших союз с Израилем, что открыло возможность утверждения других региональных приоритетов¹⁰. Равным образом, Евросоюз как определяющий фактор турецкой внешней и внутренней политики также теряет привлекательность, что проявляется в спаде поддержки населением идеи членства в ЕС, хотя в официальном дискурсе эта идея продолжает выдвигаться в качестве главной цели.

Рычаги воздействия ЕС и других европейских институтов на Россию всегда были относительно слабыми, – хотя далеко не настолько, чтобы ими можно было пренебречь, – и именно этот фактор способствовал ориентации России в сторону авторитаризма¹¹. Если в Турции эти рычаги остаются сильнодействующими, по крайней мере до тех пор, пока продолжает существовать перспектива членства, то в России, в конечном счёте, определяющими оказываются внутренние факторы. Её самовосприятие как великой державы создаёт такую схему внутренне- и внешнеполитических взаимодействий, которая на сегодняшний день присуща одним лишь США и Китаю¹².

Глеб Павловский, прокремлёвский специалист по вопросам политической стратегии и глава Фонда эффективной политики, отмечает, что Россия «желает быть государством-нацией, но с имперской культурой, имперским размахом и имперским стилем». При этом он спешит добавить, что не способен назвать в России группировку, «которая стремилась бы создать реальную империю и была бы готова за это платить или брать на себя риск»¹³. Российские притязания в лучшем случае распространяются на создание империи «по доверенности», то есть формирование такого региона, в котором были бы признаны «привилегированные интересы» России. Можно пойти дальше и предположить, что

¹⁰ Подробное исследование взаимосвязи между внутренними изменениями и внешней политикой Турции см. в *Carkoglu A., Kalaycioglu E. The Rising Tide of Conservatism in Turkey*. Basingstoke. Macmillan. 2009.

¹¹ *Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*. New York. Cambridge University Press. 2010. Глава 5.

¹² Глубокий анализ этих взаимодействий см. в *Paradorn Rangsimaporn. Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin*. Basingstoke. Palgrave Macmillan. 2009.

¹³ Интервью Глеба Павловского Джею Толсону и Даниле Гальперовичу: *Kremlin Political Consultant Sees Medvedev as Best Choice for 2012*. RFE/RL. Russia Report. 21 января 2010.

напористая внешнеполитическая позиция России означает не возрождение неоимпериалистических амбиций в каком бы то ни было реальном смысле, а один из видов «мимитического империализма», сохраняющего внешнюю амбициозность, прежде всего выражающуюся в наделении себя властью формирования системы, с одновременным требованием признания собственного статуса и проявления уважения к себе. При этом эти амбиции происходят из стремления скорее имитировать наиболее успешные из существующих держав, чем совершить фундаментальное изменение порядка в системе в целом. В этом контексте понятие империи используется в определении Хардта и Негри¹⁴, основанном не на колониальной модели осуществления прямой власти, а на обобщённой форме международной активности, подкрепляемой притязаниями на превосходство над малыми державами в культурном плане¹⁵. Не представляя собой попытки пересмотра существующего равновесия сил или передела международной системы, такой подход основывается на логике, которую мы называем неоревизионизмом.

Неоревизионистский подход проявляется в поведении. Так, российские представители на переговорах известны своей жёсткой позицией, хотя все те, кто участвует в переговорных процессах, в частности, представители ЕС и других международных организаций, подчёркивают, что Москва редко ставит целью полный срыв переговоров, а конструктивный подход, как правило, компенсирует раздутую риторику. Это замечание применимо также и к концептуальному уровню. Основная критика Россией универсалистского подхода к правам человека и демократическим стандартам касается не их неприемлемости в целом, а того, что они были присвоены доминирующими державами и применяются ими избирательно. В конечном счёте, именно Россия в 1991 году начала демократическую революцию, фундаментальной целью которой было включение этих норм в новый политический порядок, построенный на предложенных Горбачёвым концепциях «нового мышления» и «общего европейского дома», а последовавшая за этим конституция 1993 года придала этим стремлениям институционную форму.

Применение этих норм после 1993 года в лучшем случае было частичным, исполненным демократического формализма, подрывающего дух политического плюрализма, многообразия и конкуренции; при этом Россия не пытается представить себя в качестве источника альтернативного свода норм. Со всей очевидностью, Россия сопротивляется роли пассивного потребителя норм, настаивая на том, что она была соавтором возникшего после холодной войны миропорядка, однако это не

¹⁴ *Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge. MA. Harvard University Press. 2001.*

¹⁵ Об этом см. *Hardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. London. Penguin Books. 2005.*

означает её превращения в новоявленный источник нормотворчества. Она позиционирует себя скорее в качестве «нормоприменителя»¹⁶, главной заботой которого является обеспечение возможности интеграции в нормативное поле многообразия цивилизаций и культурных различий. Поэтому Россия выдвигает плюралистический подход к применению универсализма – программу. В этом заключается суть её неоревизионизма. Амбиции России в качестве творца норм довольно ограничены, даже если она и настаивает на принципе суверенности государств и многополярности международного порядка. Эти позиции с трудом можно назвать революционными, не говоря уже о подлинно ревизионистских, более того, они в значительной степени разделяются британскими и другими евроскептиками.

Новая маргинальность?

В некотором смысле, в настоящее время вся Европа становится глобальным «аутсайдером». В то самое время, когда в России говорят о «большой Европе», весь континент становится своего рода «малой Европой». Когда идея европейской Конституции впервые была вынесена на обсуждение, её предназначение виделось в обеспечении растущего влияния Европы формальными рамками. Последовавший за этим болезненный удар, приведший к принятию довольно скромного Лиссабонского договора, расценивается как признак начинающегося скольжения вниз. Более того, Лиссабонский договор, по всей видимости, не слишком способствовал решению запутанного вопроса о руководстве внутренней и внешней политикой в ЕС. Несмотря на то, что его общий совокупный ВВП равен ВВП США (14,5 трлн. дол.), Евросоюз подвергается в настоящий момент стратегической маргинализации, вызванной не только недостатком единства, но и отсутствием общей воли. И Россия, и ЕС начинают ощущать своё скольжение по «наклонной плоскости» в плане глобального могущества и нависший над всем континентом риск маргинализации. Отстаиваемые Давутоглу многомерность и открытие Турции Ближнему Востоку отражают этот сдвиг глобального могущества, сопровождающийся ростом неооттоманизма¹⁷. Как говорится в отчёте о проекте нового

¹⁶ Дискуссию на эту тему см. в: *Haukkala H. A Norm-Maker or a Norm-Taker? The Changing Normative Parameters of Russia's Place in Europe* в *Hopf T. (ред.) Russia's European Choice*. Basingstoke. Palgrave Macmillan. 2008. С. 35-56. См. также *Haukkala H. The European Union as a Regional Normative Hegemon: The Case of European Neighbourhood Policy // Europe-Asia Studies*. Т. 60. №9. Ноябрь 2008. С. 1601-1622.

¹⁷ Критику, изобличающую существующий мировой порядок и сдвиг мирового могущества, см. в *Davutoğlu A. The Clash of Interests: An Explanation of the World (Dis)Order // Journal of International Affairs* Т. 2. №4. Декабрь 1997-

европейского договора по безопасности: «Впервые за несколько столетий Европа перестала быть глобальным центром в системе международных отношений»¹⁸.

С окончанием холодной войны военные интересы США в Европе сократились и были перенесены на новые глобальные вызовы, обозначив тем самым начало новой постатлантической эпохи. Размышляя об этом, болгарский политолог Иван Крастев пишет: «Президентство Обамы свидетельствует о том, что США более не представляют собой европейскую державу в классическом смысле этого слова. И даже если альянс с государствами НАТО будет продолжать существовать, на сегодняшний день Америка перестала воспринимать Европу как место возникновения будущих конфликтов»¹⁹. Подъем Китая сопровождается изобилием публикаций, представляющих этот процесс как «конец западного мира»²⁰. Таким образом, с точки зрения некоторых аналитиков, не только Россия и Европа вступают в период непривычной для них маргинализации, но и сама эпоха становится «постзападной». Европа превращается в новую периферию – положение, в котором она не оказывалась по меньшей мере полтысячелетия.

Этот анализ применим к геополитике, однако стоит также отметить и происходящую на более глубинном уровне эрозию традиционных цивилизационных ценностей европейского континента. Как в России, так и в Турции возрождается критика возникших в эпоху Просвещения идей об однолинейном прогрессе и развитии. Отметим, что именно эти идеи лежали в основе как младотурецкой революции 1908 года, так и большевистской революции 1917 года. Укрепление и воплощение этих идей большевиками и Ататюрком несомненно осложнялось различными обстоятельствами, что никоим образом не ставит под сомнение их общее происхождение из позитивистского подхода Огюста Конта, утверждающего однолинейное развитие человечества. Существующие сегодня как в России, так и в Турции трения между доктриной отделения церкви от государства и стремлением вернуть религиозную составляющую в государственную политику, сходны в том, что представляют из себя обратную реакцию на имевшие место проекты кардинальной

февраль 1998. <www.sam.gov.tr/perceptions/volume2/december1997-february1998/davutoglu.pdf>. Обзор неосоттоманских идей см. в *Hoffmann C. The Pax Ottomanica from the 19th to the 21st Century: On the (im)possibility of Turkish Regional Hegemony. Research in Progress Seminar. Department of International Relations. University of Sussex. 16 ноября 2009.*

¹⁸ *Karaganov S., Bordachev T. Towards a New Euro-Atlantic Security Architecture. Report of the Russian Experts for the Valdai Discussion Club conference. London. IISS. 8-10 декабря 2009. Опубликовано в Москве агентством РИА Новости и Советом по внешней и оборонной политике. С. 9.*

¹⁹ *Krastev I. Europe Moves to the Periphery // Yaroslavl Forum: Smart Policy in Post-Western World. Special edition of the Russian Institute. 12 января 2010. С. 16.*

²⁰ Например, *Jacques M. When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. London. Allen Lane. 2009.*

модернизации, направленные на избавление от влияния религиозных традиций каждой из этих стран²¹.

Турция остаётся под влиянием кемалистского видения национального модернизма, в рамках которого продолжают рассматриваться различные противоречия между государством, обществом и религией²². Реджеп Эрдоган превратил ПСР в наиболее успешную партию с исламистской генеалогией в истории Турецкой республики²³. Партия удержалась от жёсткой идеологической позиции и, вместо этого, представила себя как консервативную демократическую силу²⁴. В России нарастают притязания на постдемократическую исключительность²⁵. При этом, две страны разделяют интерес к духовным основаниям политического сообщества, что представляет собой обратную реакцию на существовавшие в двадцатом веке программы радикальной светской модернизации.

²¹ Общий обзор ситуации в Турции см. в: *Hale W., Ozbudun E.* Islamism, Democracy and Liberalism in Turkey. London. Routledge. 2009. Относительно России, см. *Garrard J., Garrard C.* Russian Orthodoxy Resurgent: Faith and Power in the New Russia. Princeton NJ. Princeton University Press. 2008; *Knox Z.* Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism. London. Routledge Curzon. 2005.

²² *Kerem O., Kerslake J.C., Robbins Ph.* (ред.) Turkey's Engagement with Modernity: Conflict and Change in the Twentieth Century. Basingstoke. Palgrave Macmillan. 2010.

²³ *Kumbaracibasi Arda Can.* Turkish Politics and the Rise of the AKP: Dilemmas of Institutionalization and Leadership Strategy. London. Routledge. 2009.

²⁴ Эта точка зрения представлена в *Yavuz* Secularism and Muslim Democracy in Turkey. Op. cit. [8]

²⁵ К примеру, В. Третьяков, бывший редактор «Независимой газеты» и нынешний редактор журнала «Политический класс» выступает за восстановление сословий в новой форме постэлекторального корпоративного общества.

На пути к «большой Европе»

Двусмысленность и напряжённость в отношениях с Европой побудили Россию попытаться изменить параметры дискуссии. На протяжении большей части периода после окончания холодной войны условия взаимодействия между Россией и Европой устанавливались Брюсселем и западноевропейскими державами, или, по меньшей мере, так казалось России. С конца периода президентства Владимира Путина Россия предпринимает активные попытки поставить отношения на равноправную основу. Возникшие в этом контексте многочисленные конкретные предложения стали проявлением этого онтологического сдвига и именно по этой причине они зачастую выглядят рудиментарными и даже недостаточно продуманными. Что касается российских элит, то для них подтверждение статуса России как «экзистенциально равного» имеет не меньшее значение, чем любые его конкретные проявления.

Неоревизионистская повестка дня

Российские аналитики, к примеру, Сергей Караганов – руководитель влиятельного Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) и декан факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ, – утверждают, что ослабление Европы не отвечает интересам России, хотя тактически оно может быть полезным, поскольку снижает европейские амбиции, делая тем самым возможным взаимодействие с Россией на основе общих интересов.

Европейцы начинают понимать, что они проваливаются, что надежды на США, даже на Америку Обамы все более иллюзорны. Растет осознание того, что сближение с Россией, даже с той, какая она есть, и уже далеко не сввысока - чуть ли не единственный шанс сохранения Европы в высшей лиге мировой политики²⁶.

²⁶ Караганов С. Прошедший год и предстоящее десятилетие // Российская газета. 15 января 2010. С. 11. <www.rg.ru/2010/01/15/karaganov.html>.

В этих обстоятельствах, разворот к Азии имеет смысл не в качестве альтернативы новой европейской ориентации, а как дополнение к созданию «большой Европы»:

На сегодняшний день оптимальная геополитическая ориентация России выглядит для меня следующим образом. Быстрое и управляемое экономическое сближение с Азией, а не только с Китаем. Социально-политическое сближение с Европой, преодоление в отношениях с ней остатков неоконченной «холодной войны». Имея в конечном итоге целью такого сближения создание новой системы евробезопасности и Союза Европы. Союза между Россией и Европой ЕС с едиными человеческими, энергетическими и экономическими пространствами. Сближение в стратегической области с США, стремясь стать третьим в складывающемся американо-китайском дуумвирате мироуправления будущего²⁷.

Этот амбициозный на первый взгляд стратегический подход не является и абсолютно далёким от реальности при условии, что России удастся привлечь к этому проекту других «аутсайдеров» и, в первую очередь, Турцию.

Новые идеи способствуют пересмотру и расширению понятия «европеец», одновременно способствуя эволюции отношений между «инсайдерами» и «аутсайдерами». Первая из этих идей – это понятие «большой Европы». Как и многие российские неоревизионистские идеи, это понятие в большей степени отражает стремление и является идеалом, а не чётко разработанной программой. При этом оно всё же содержит некоторые указания на альтернативную модель европейской политики. Если интеграционный проект ЕС основан на выполнении определённых условий (*conditionality*), подход России к государствам, не вступающим с ЕС, отвергает механизм навязывания условий. Различные интеграционные проекты России, в частности, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) отрицают необходимость для подобных проектов позитивного нормативного базиса. На самом деле, Россией выдвигается негативная норма, а именно невмешательство во внутренние дела других государств, а также вестфальское понятие суверенитета, сопровождаемое утверждением многополярности.

Концепция «большой Европы» отражает попытку России изменить рамки дебатов. Идея заключается в том, чтобы разработать альтернативный взгляд на характер европейского единства, который в меньшей степени основывался бы на полноценной институциональной интеграции, и в большей – на

²⁷ *Ibid.*

взаимоотношениях различной конфигурации. Эта идея преследует и геополитическую цель. Европа, в своём сегодняшнем проявлении представленная прежде всего ЕС, часто подвергается Москвой резкой критике за несостоятельность на международной арене: неспособность разработать собственную независимую политику, излишнюю преданность США, сводящую её положение главным образом к роли «младшего брата», недостаток постоянства в утверждении ею же самой заявленных норм.

Одним из самых красноречивых защитников идеи «большой Европы» является сотрудник С. Караганова, исследователь ГУ-ВШЭ, Тимофей Бордачёв. Во многих своих публикациях он развивает предложенную Карагановым точку зрения, согласно которой определённое стратегическое видение необходимо для поддержки российско-европейских отношений, которые могут принять форму «стратегического альянса»²⁸. По мнению Бордачёва, отношения между Россией и Европой к 2004 году ухудшились до такой степени, что свелись к своего рода «мирному сосуществованию» на фоне соперничества, что привело к необходимости не столько создания политических рамок для взаимозависимых отношений, сколько управления конфликтными ситуациями. В противовес сложившейся ситуации, Бордачёв настаивает на том, что «стороны нуждаются в принципиально новом уровне доверия» и что историческое разделение Европы будет преодолено, если «Россия и ЕС сформируют альянс с подлинной ориентацией на будущее». По его мнению, этот альянс мог бы быть основан на взаимной выгоде, поскольку ЕС объективно «нуждается в России экономически и политически, чтобы продвигать свои интересы на международной арене», в то время как Россия, сталкиваясь со «сложным геополитическим окружением», также нуждается в ЕС²⁹. Поэтому необходима «большая сделка», позволившая бы подвести под отношения между Россией и ЕС здоровый фундамент, что в долгосрочной перспективе привело бы к созданию «международного порядка» от Ирландии до Владивостока, «функционирующего в соответствии с собственными нормами и правилами». Это могла бы быть система, основанная на «межправительственном сотрудничестве», что обеспечило бы Евразии «структурную стабильность»³⁰.

Это предложение основывается на сегодняшней системе отношений соперничества и пытается найти внутри этих рамок эффективный способ урегулирования нынешнего евразийского международного порядка. Бордачёв настаивает на сохранении

²⁸ *Bordachev T.* Towards a Strategic Alliance // *Russia in Global Affairs*. Т. 4. №2. Апрель-июнь 2006. С. 112-123.

²⁹ *Ibid.*, С. 113.

³⁰ *Бордачёв Т.* *Op. cit.* [1]. С. 18.

суверенитета ключевых акторов, отмечая, что государства сегодняшнего ЕС полностью сохранили свой суверенитет. Это действительно так с технической точки зрения, однако очевидно также и то, что Евросоюз представляет из себя систему разделяемого и объединённого (*shared and pooled*) суверенитета. В своих предложениях Бордачёв идёт недостаточно далеко, поскольку, в конечном счёте, единственной жизнеспособной формой отношений между Россией и ЕС могут быть такие отношения, которые создадут трансформационную динамику, способную преодолеть нынешний порядок. Первым шагом может, действительно, стать стратегический альянс, однако, в конечном счёте, необходимы и элементы того дальновидного идеализма, который положил начало созданию Евросоюза. И ставки здесь весьма высоки. Если Европейский союз был создан для предотвращения новой войны между Францией и Германией, то Евразийский союз необходим для гарантии выхода из царящего сегодня в Европе «холодного мира». Двадцатилетний период «холодного мира» после закончившейся в 1918 году великой войны завершился новой катастрофой и риск подобной же развязки сегодняшней ситуации нельзя сбрасывать со счетов³¹.

Российскому видению «большой Европы» не хватает институциональной динамики (характерной для представленных ниже панъевропейских идей) и, на сегодняшний день, эта идея является не более чем попыткой расширить дебаты и продемонстрировать позитивное развитие российского неоревизионизма. Остаётся спорным вопрос о трансформационной силе этой концепции и даже о её взаимной выгоде. Она не противоречит традиционной практике российской внешней политики, поскольку может оказаться не более чем попыткой привлечь европейское общественное мнение к новой «раскольнической» повестке дня. Такое понимание, однако, было бы преуменьшением значения этой попытки осмысления возможных рамок нового «союза Европы». Эта идея, остающаяся ограниченной практическими интересами и воздерживающаяся от грандиозных проектов реструктурирования глобальной геополитики, имеет значительный резонанс в Турции. При этом, более причудливые «евразийские» идеи цивилизационного джихада против Запада поддерживаются лишь небольшой частью турецких элит³².

³¹ Sakwa R. 'New Cold War' or Twenty Years' Crisis?: Russia and International Politics // *International Affairs*. Т. 84. №2. Март 2008. С. 241-67.

³² Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington DC. Woodrow Wilson Center Press. Baltimore. The Johns Hopkins University Press. 2008. С. 188-201.

Панъевропеизм

Развитие идеи «большой Европы» сопровождается возрождением панъевропейских идей. Оставляя в стороне панъевропейские проекты графа фон Куденхове-Калерги в период между двумя войнами, «большая Европа» сегодня сталкивается со многими дилеммами первых послевоенных лет. Так, ответом на неудачу Европейского Оборонного Сообщества в начале 1950-х годов стало создание Парижским договором от 18 апреля 1951 года надгосударственного Европейского объединения угля и стали, и сегодня обсуждение нового европейского договора по безопасности возвращается к некоторым темам предыдущих дискуссий, но на этот раз в общеевропейском масштабе. Наблюдается также возврат к предложенной Горбачёвым во время перестройки идее общего европейского дома, подхваченной Франсуа Миттераном. Необходимо подчеркнуть, что идея «большой Европы» не совпадает с панъевропейской идеей. Дискуссия о «большой Европе» ставит во главу угла абстрактный идеал европейской общности и единства, в то время как проект панъевропеизма основан на институтах. Начальная фаза посткоммунистического панъевропеизма между 1989 и 1999 годами базировалась на идеалистическом видении ЕС, предоставляющего интеграционные рамки и сотрудничающего с Советом Европы, опираясь с 1994 года на расширение НАТО. С 1999 года становится понятно, что расширение НАТО столкнётся с сопротивлением со стороны России, одновременно с чем всё громче начали звучать призывы к ограничению расширения ЕС.

В 2007 году Евросоюз приостановил фазу активного расширения, что, однако, не должно помешать вступлению Хорватии (или Македонии) и постепенному расширению ЕС на Балканах. И всё же, по всей видимости, существующие формы центрированной на ЕС интеграции достигли своего предела. Ещё в 2004 году Херман ван Ромпей (избранный в ноябре 2009 года президентом Европейского Совета в соответствии с Лиссабонским договором) утверждал, что «Турция не является частью Европы и никогда ею не будет». Он заявил также, что «вступление Турции в ЕС не может быть сравнимо с любым другим имевшим место расширением. Существующие в Европе универсальные ценности, являющиеся также фундаментальными ценностями христианства, потеряют свою силу со вступлением в ЕС такой крупной мусульманской страны как Турция». После избрания ван Ромпея, член парламента Турции Суат Киниклиоглу заявил, что это избрание преследует цель держать Турцию подальше от Европы³³. Вступив в должность, ван Ромпей стал более осмотрительным в своих высказываниях, однако это не смогло

³³ *Tait R.* "Van Rompuy Chosen to Keep Turkey Out of Europe," Says Influential MP // *The Guardian*. 21 ноября 2009. С. 8.

полностью развеять давние подозрения о том, что членство Турции не соответствует его восприятию Европы. На сегодняшний день этот проект можно считать устаревшим и не представляющим интереса ни для ЕС, ни для самой Турции. Поскольку Россия никогда формально не стремилась к членству в ЕС, озабоченность на этот счёт не высказывалась в столь резкой форме, однако, как уже было упомянуто, в историческом плане рассуждения о пределах Европы как правило отводили России весьма удалённую позицию. Что же касается Турции, её положение на границах Европы остаётся весьма расплывчатым, чему свидетельствуют мучительные сомнения, сопровождающие её стремление к полной интеграции в ЕС.

Россия остаётся вне институционального центра управления Европы. Отношения между Россией и центром (*heartland*) Европы свелись к ограниченной схеме взаимодействий, продиктованных интересами каждой из сторон, однако эта ситуация не удовлетворяет ни одну из них. Наступивший после 1999 года период деградации отношений был отмечен подтверждением ЕС своей, основанной на ценностях, повестки дня, что косвенным образом вынудило Россию вернуться к логике интересов, хотя подобное положение не воспринимается как устойчивое ни одной из сторон. В Евросоюзе, диалектика интересов и ценностей оказывается сложнее, чем полагают некоторые из его наиболее идеалистично настроенных сторонников: Россия не может избежать нормативной динамики своих собственных действий, в то время как ЕС не является совершенным образцом «нормативной» власти³⁴. Равным образом, российское определение великой державы влечёт за собой нормативное измерение, базирующееся на порядке, превозносящем суверенитет, невмешательство и плюрализм режимов. На этом новом этапе на первый план выходит необходимость осмысления нового понимания панъевропеизма.

Основа этого переосмысления сводится к пересмотру существующей системы безопасности. Вступление в ЕС нескольких посткоммунистических «реваншистских» государств в 2004 и 2007 годах изменило первоначальное миротворческое начало Евросоюза, оказавшегося теперь перед риском превратиться в инструмент продолжения холодной войны другими способами³⁵. Это уже не тот ЕС, который стремилось построить

³⁴ Критику нормативной власти ЕС см. в *Chandler D. EU Statebuilding: Securing the Liberal Peace through EU Enlargement // Global Society. Т. 21. №4. Октябрь 2007. С. 593-607, с последующей дискуссией в Т. 22. №4. Октябрь 2008. С. 507-529. Краткий обзор дилемм см. в Zielonka J. Europe as a Global Actor // International Affairs. Т. 84. №3. 2008. С. 471-84.*

³⁵ Наиболее воинственные из этих государств получили название «новые поборники холодной войны»: *Leonard M., Popescu N. A Power Audit of EU-Russia Relations. Brussels. European Council on Foreign Relations. Ноябрь 2007. С. 48-49.* Более того, в геополитическом плане отчёт также проникнут духом холодной войны, который скорее закрепляет, чем преодолевает исторические

целое поколение идеалистов, напуганных воспоминаниями об европейских гражданских войнах. Отдаление России от ЕС сопровождалось разрушением прежней структуры европейской безопасности. Идея нового договора по европейской безопасности, предложенная президентом Дмитрием Медведевым в своей речи в Берлине 5 июня 2008 года, несмотря на то, что она была встречена западными державами в лучшем случае с вежливым снисхождением, свидетельствует о назревшей потребности в новых идеях. С точки зрения С. Караганова, пересмотр существующих соглашений по безопасности на континенте имеет первостепенное значение:

Холодная война была объявлена завершённой и, действительно, идеологическое и военное противостояние прекратилось. Однако старое геополитическое соперничество, давно ожидавшее за кулисами, снова вышло на авансцену. Но России урок пошёл впрок. Она больше не стремится присоединиться к Европе под видом почтительного ученика. Теперь она готова присоединиться к ней либо как могущественный союзник, либо никак³⁶.

Общеввропейское измерение всё чаще упоминается в качестве возможных рамок как для России, так и для Турции. Оно представляет из себя своего рода компромисс: предоставляя определённые институциональные рамки для идей «большой Европы», оно является всё же недостаточным для развёрнутой надгосударственной трансформационной повестки дня. Для России это означает интеграцию без вступления, что, в более длительной перспективе, могло бы стать рамками и для отношений Турции с ЕС. Такая позиция была открыто высказана в выступлении Николя Саркози, открывшем предвыборную кампанию в Европарламент, в Ниме, 5 мая 2009 года. Он высказался против вступления Турции в ЕС, аргументируя это тем, что Турция «не предназначена для того, чтобы стать членом ЕС», но, по его мнению, Анкара, всё же должна быть связана с ЕС как экономически, так и в сфере безопасности. Важным новшеством этой речи стал тот факт, что в ней Саркози отвёл России и Турции равные позиции, отметив, что обе страны должны создать «общую с ЕС зону по экономике и безопасности», что привело бы к созданию нового блока, « с населением в

разделения в Европе. Динамика безопасности, лежащая в основе вступления некоторых из этих государств, была исследована в Skálines L.S. Geopolitics and the Eastern Enlargement of the European Union в Schimmelfennig F., Sedelmeier U. (ред.) The Politics of European Union Enlargement: Theoretical Approaches. London. Routledge. 2005.

³⁶ Karaganov S. Why Europe Needs a New Security Pact // The Security Times. 19 февраля 2010. Перепечатано в Johnson's Russia List. №36. 2010. Пункт 24.

800 млн. человек, имеющих равный доступ к процветанию и безопасности»³⁷.

Эта, пока призрачная, идея предлагает перспективу не только для интеграции России и Турции в Европу, но и для переопределения Европой самой себя. Старая европейская интеграционная модель, в соответствии с которой Европа определяет себя как великодержавный блок, изжила себя. Эта модель с неизбежностью привела бы к конфронтации с Россией, а возможно также с Америкой и Китаем. На смену ей могут прийти различные схемы, основанные на панъевропейских предпосылках. Одной из них мог бы стать большой «панъевразийский союз», с созданной в его рамках надгосударственной Евразийской комиссией, в который ЕС, Россия, Турция и другие «аутсайдеры» могли бы войти как равноправные суверенные державы. На первых порах этот союз занимался бы управлением общеевропейской энергетической системой, с целью примирить интересы производителей и потребителей, но постепенно можно было бы предусмотреть распространение ответственности союза на другие сектора. Настоящее энергетическое партнёрство может послужить основанием для интеграционного процесса, сравнимого с ролью, сыгранной Европейским сообществом угля и стали в начале 1950х годов. По мнению Михаила Маргелова, председателя Комитета Совета Федерации по международным делам: «Стратегический союз между Европой и Россией возможен только на базе энергетического союза»³⁸.

На сегодняшний день, возможность «большой сделки» выглядит маловероятной, поскольку обе стороны слишком жёстко придерживаются позиции «существования». Необходима дискуссия, в которой была бы признана опасность усиления динамики соперничества в Евразии. Так, развитие с мая 2009 года позитивного в своих намерениях Восточного партнёрства уже привело к возобновлению страхов относительно возможности вспыхивания конфликта в «ближнем зарубежье», на новых «промежуточных землях». Для преодоления этой динамики соперничества, предложенная Т. Бордачёвым «большая сделка» нуждается в более широком дополнении, таком как создание Евразийского Союза. Этот союз, начиная с относительно ограниченной власти, может принять форму Комиссии, при этом он будет способствовать созданию надгосударственной динамики. Межправительственные соглашения безусловно имеют смысл, однако гениальность Жана Монне и отцов-основателей Европы проявился в понимании их недостаточности. И если приращение и сохранение суверенитета представляет из себя закономерный

³⁷ *Sarkozy N.* Discours de M. le Président de la République [Печь Президента Республики]. Nîme. 5 мая 2009. <www.elysee.fr>.

³⁸ *Margelov M.* A Strategic Union with Europe Based on an Energy Union // *Russian Journal*. №3 (45). 18 февраля 2010. С. 11.

процесс, необходима всё же и противоположная динамика, и только она позволит избежать новой войны на нашем континенте.

Заключение

Россия и Турция выступают одновременно как партнёры и как соперники, что особенно заметно в сферах энергетики и влияния в регионе. Несмотря на это, после окончания российско-грузинской войны российские аналитики высказали предположение о развороте Турции к Москве в рамках фундаментальной геополитической переориентации³⁹. Идея российско-турецкого сближения особенно привлекает российских военных. Параллели между турецкой интервенцией на Северном Кипре в 1974 году и российской интервенцией на Южном Кавказе в 2008 с последующим признанием соответствующих образований побуждают к переосмыслению стратегических альянсов. По некоторым данным, в турецкой армии существует группа русофилов, придерживающихся антизападных взглядов и получивших насмешливое название «младорусские». Суть их взглядов, по-видимому, сводится к следующим тезисам: «Америка предала Турцию; наша страна никогда не впишется в стандарты ЕС; таким образом, чтобы избежать изоляции Турция должна стать членом Евразийского альянса, созданного вокруг возродившейся России»⁴⁰. Немыслимое ранее стало возможным, что отражает выход из геополитического тупика, созданного затянувшимся завершением холодной войны. Однако в Турции существует не менее могущественное лобби, настаивающее на необходимости укрепления союза с Западом, для того, чтобы держать «российские стратегические амбиции под контролем»⁴¹. Точно так же, российские стратеги обеспокоены амбициями Турции на Южном Кавказе и её притязаниями на статус региональной державы на Ближнем Востоке.

В качестве двух крупнейших «аутсайдеров» в Европе, обе страны с неизбежностью обладают определённой геополитической общностью, потенциально способной послужить основанием для долгосрочного сближения. Сближение с Россией иногда воспринимается в Турции как альтернатива вступлению в ЕС. Однако и Россия, и Турция осознают, что «альянс аутсайдеров» был бы губительным для обеих, поскольку усугубил бы их маргинальный статус и обрёл бы их на бесплодную

³⁹ *Torbakov I.* The Georgia Crisis and Russia-Turkey Relations. Washington, DC. The Jamestown Foundation. 2008. С. 25.

⁴⁰ *Ibid.* С. 27.

⁴¹ *Ibid.* С. 31.

международную политику оппозиционеров. Совершенно очевидно, что эти страны не планируют образовать «ось исключённых» и не предпринимают попыток создания какой-либо «организации системного уравнивания», однако «добавочная увязка» между Турцией и Россией в международной политике основана на реальных проблемах. «Гнев Турции по отношению к политике США в Ираке... согласуется с недовольством России посягательствами Америки на сферу влияния Москвы»⁴².

Обе страны осознают появление новых возможностей, сочетающихся с тяжестью исторического наследия, в том числе существования в Турции обширной диаспоры народов, в прошлом порабощённых российской империей. Обе страны граничат со всё более нестабильным регионом, превращающимся в объект геополитической борьбы⁴³. Обе страны стремятся стать региональными державами и тесный союз между ними действует как подстраховка, «если не полная альтернатива трансатлантическим и европейским связям»⁴⁴. Россия сталкивается сейчас с целым рядом проблем в своих отношениях с Южной Осетией и Абхазией, независимость которых была признана ею 26 августа 2008 года, сходных с теми, что испытывает Турция в отношениях с Турецкой республикой Северного Кипра. Поскольку ЕС и другие западные страны настаивают на территориальной целостности Грузии в ситуации, когда возвращение этих территорий в состав Грузии практически невыносимо, эта проблема выглядит столь же неразрешимой, как и кипрский вопрос.

Обсуждение в России идей «большой Европы» и панъевропеизма является попыткой преодоления царящей в разделённой Европе логики соперничества, сохраняя при этом отдельные сферы интересов. Однако отказ России принять логику, на которой была основана европейская интеграция, заключающуюся в идее о том, что «мир в Европе может ... быть гарантирован не путём дипломатии между государствами-нациями, а ликвидацией – возможно постепенной и выборочной – политико-экономического суверенитета государств-наций»⁴⁵, означает, что неразрешённая напряжённость сохраняется в её проекте «большой Европы». Определённая доля объединённого суверенитета, в энергетике и некоторых других выборочных секторах, могла бы стать первым шагом на пути к трансформационной европейской политике, к которой призывает

⁴² Hill F., Taspinar O. Op.cit. [6]. С. 81.

⁴³ Warhola J.W., Mitchell W. A. The Warming of Turkish-Russian Relations: Motives and Implications // *Demokratizatsiya*. Т. 14. №1. 2006. С. 127-143.

⁴⁴ Hill F., Taspinar O. Op.cit. [6]. С. 85.

⁴⁵ Burgess J.P. The Evolution of European Union Law and Carl Schmitt's Theory of the *Nomos* of Europe в *Odysseos L., Petitio F.* (ред.), *The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, Liberal War and the Crisis of Global Order*. London. Routledge. 2007. С. 185-201, сноска 3 на стр. 199.

российская неоревизионистская критика существующего порядка. Появление новых идей способствует всё же новой интерпретации и расширению определения понятия «европеец», меняя при этом динамику «инсайдер»/«аутсайдер». Идея «большой Европы» предоставляет как для России, так и для Турции возможность покончить с давящим историческим прошлым и маргинальностью и создать позитивную повестку дня европейской включённости после завершения периода активного расширения. Схемы, придающие конкретную форму панъевропейским стремлениям, предлагают способ снова превратить «большую Европу» в великую Европу.